

— Суть телевидения в современном мире не изменилась — оно должно создавать и транслировать какие-то смыслы. В России это получается плохо. В Америке — хорошо. Поэтому в массе своей мы живём их, чужими смыслами. Общение со студентами я начинаю именно с постановки задачи — научиться создавать и транслировать собственные смыслы. И будет хорошо, если не только на своей территории, но и вовне.

Ч Кто, по-вашему, должен выполнять функцию производства смыслов — государство, общество, некие сообщества?

— Вы задаёте мне вопрос, ответить на который может только Господь Бог. Если таковой существует. Свои выводы я делаю на основе собственных наблюдений за жизнью: вот люди, они общаются друг с другом, предпринимают какие-то действия, у них получается какой-то результат. По этому результату можно судить о том, что с собственными смыслами в нашей стране всё плохо. Но без них никуда. Это базовые вещи, которые я считаю нужным объяснять студентам. А вообще предмет, который я преподаю, называется «методика телевизионной журналистики». И моя задача — научить студентов простейшим техническим действиям по производству картинки.

Ч Но ведь люди, которые смотрят телевизор, очевидно, находят в нём какой-то смысл. Помните, у Земфиры: «Мои мама и папа превратились давно в телевизоры». И когда обсуждают сценарии развития общественно-политической ситуации в России, часто в качестве переломного момента называют победу холодильника над телевизором.

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ — ЭТО НЕ НАШЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ

— Современное российское телевидение — это не наше телевидение. Оно в своё время было заимствовано у американцев. Несмотря на все косяки тоталитарного общества, которое якобы было тогда, советское телевидение являлось нашим. В том смысле, что имевшиеся два канала транслировали картинку о реальной жизни людей, и один из них —

о людях, проживавших на территории Пермской области. И зрители могли реально повлиять на телевидение, существовала обратная связь. Нынешнее же телевидение — это абсолютно автономный организм, живущий по своим законам и не имеющий никакого отношения к реальной жизни.

Ч Каким образом обычные советские граждане влияли на телевидение?

— Например, существовала такая программа, как «Экран животновода». Для её создания один из операторов и редактор Бушков, как сейчас помню, каждую неделю садились на уазик и ехали куда-нибудь к чёрту на рога. В красном уголке очередного сельскохозяйственного предприятия собирались представители производства и рассказывали, чего

СНЯТЬ КИНО СЕЙЧАС МОЖЕТ КАЖДЫЙ, ПРОБЛЕМА В ТОМ, ЧТО СМОТРЕТЬ ЕГО НЕКОМУ

они добились, а в понедельник включали телевизор и смотрели на себя. И так каждую неделю — новый район.

Ч Так и сейчас пермское телевидение снимает и выдаёт в эфир сюжеты о передовых отечественных агропроизводителях, о том, как всё у них хорошо. Это ведь не означает, что на самом деле это так. Нарассказывать можно что угодно. Это к вопросу о том, что телевидение не имеет ничего общего с реальной жизнью.

— Мы вообще живём в кафкианском мире. Абсурд на каждом шагу. При этом есть закономерность: чем ближе находишься к простым жизненным делам, тем абсурда меньше. Скажем так, он су-

ществует в границах допустимого, на том уровне, который позволяет свободно дышать. А чем выше поднимаешься, тем более разрежённым становится воздух. И самое поразительное, что и там, и там действуют одни и те же люди. Но как только они становятся частью административной системы, тут же начинают производить абсурд.

Ч Уже несколько лет вы реализуете проект «Я здесь живу». Как и когда возникла такая идея?

— В середине 1990-х годов мы с Андреем Брониславовичем Вертипраховым начали снимать детское кино в Кунгуре. Он тамошний и, когда пришёл из армии, был определён в местный отдел по борьбе с молодёжью и озабочен развитием детского центра туризма и экскурсий. Будучи прирождённым лидером, Вертипрахов развернул активную деятельность, в том числе присоединился к скаутскому движению, придумал и создал формат кинолагерей. Их суть заключалась в том, что дети целую неделю днём и ночью бегали по городу, снимали на камеру, потом всё это монтировалось, и они садились смотреть своё кино. За монтаж отвечал я, попав в эту компанию именно

как технический специалист. Нас пускали в кинотеатр «Мечта», поэтому кино показ проходил на большом экране. Всё по-взрослому! Среди зрителей было действительно много взрослых, ведь, бегая по Кунгуре, дети приглашали сняться в кино всех, кто им нравился, — дедушек, бабушек, тёти, пап, дяденек. В 1990-е годы это всё было очень просто и весело. Когда по сценарию понадобилось, чтобы детей посадили в камеру, мы пошли в милицию, нам без проблем открыли «обезьянник», и мы сняли эту сцену. Когда придумали кино про террористов, кунгурский ОМОН в нём с автоматами снимался, а потом эти здоровые мужики сидели в «Мечте» и смотрели на себя.

До середины 2000-х кинолагерь «Снимается кино» собирался в Кунгуре каждую осень. В 2008 году мы организовали лагерь «Видеодорожка» и стали проводить съёмки в походных условиях. Выбирали маршрут и летом отправлялись в путешествие. И вот в 2010 году мы попали в посёлок Скопкартная, на самый север Пермского края. Дальше только Чикман с алмазодобытчиками и тайга. Скопкартная — это посёлок лесозаготовителей. В лучшие времена в нём проживало 500 человек, когда приехали мы — уже 300. За три дня мы